

Р. В. Псху

Российский университет дружбы народов, г. Москва

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ АЛ-БИРУНИ: КРАТКО ОБ АРАБСКОМ ПЕРЕВОДЕ САНСКРИТСКОГО ТЕКСТА «ЙОГА- СУТР» ПАТАНДЖАЛИ^{1,2}

ПСХУ Рузана Владимировна —

д-р филос. наук, доц., проф. каф. истории философии
ф-та гуманитарных и социальных наук

Центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама».

Российский университет дружбы народов

(117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6).

E-mail: r.pskhu@mail.ru

Аннотация. Хорезмийский энциклопедист Абу Рейхан Мухаммад бен Ахмад ал-Бируни (973–1048) известностью уступает в мусульманском мире разве что Ибн Сине. Но о труде, перевод с арабского второй части которого публикуется ниже, — «Китаб Патанджали ал-Хинди» («Книга индийца Патанджали») — до сих мало кто знает даже среди специалистов. Перед нами — арабское изложение или переложение «Йога-сутр» Патанджали вместе

¹ Статья и перевод подготовлены в рамках Соглашения между Министерством образования и науки РФ и Российского университета дружбы народов № 075–15–2021–603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии».

² Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

с разъясняющим комментарием (если основываться на нашем нынешнем знании текстовой традиции йога-даршаны, это может быть только «Вьяса-бхашья»). Текст датируют первой четвертью XI столетия, отправляясь, очевидно, от хронологии индийского похода Махмуда Газневийского, вместе с войском которого автор попал в Индию. Арабский текст Бируни настолько ориентирован на читателя, что практически лишен всякой «индийской» или научной специфики, которая, к слову сказать, часто в переводах является непреодолимым препятствием к восприятию исходного текста и его духовному воздействию на читателя. В немногочисленных исследованиях этого памятника можно встретить утверждение, что «Китаб Патанджали» ал-Бируни — это арабский *перевод* санскритского текста Патанджали, что абсолютно не соответствует действительности. Единственное, что можно отметить, так это формальное структурное соответствие парафраза ал-Бируни тексту Патанджали: текст содержит деление на четыре части, но при этом включает обширный пролог, которого нет в исходном тексте Патанджали. Ал-Бируни использует диалогический формат, в то время как текст Патанджали представляет собой набор сутр, афористических изречений, удобных для заучивания наизусть, но требующих для своего понимания развернутого комментария.

Ключевые слова: Бируни, перевод, йога, «Йога-сутра», Патанджали, «Китаб Патанджали ал-Хинди».

Для цитирования: Псху Р. В. К вопросу о переводческой стратегии ал-Бируни: кратко об арабском переводе санскритского текста «Йога-сутр» Патанджали // Ислам в современном мире. 2022; 1: 105–116;

DOI 10.22311/2074-1529-2022-18-1-105-116

Статья поступила в редакцию: 31.12.2021

Статья принята к публикации: 24.02.2022

Как известно, переводческие стратегии бывают разные. Выбор той или иной стратегии перевода обусловлен множеством факторов, к которым относятся и тип текста (художественный, научный, философский, религиозный и пр.), и его функциональное назначение, и ориентация переводчика на автора/читателя, и исходная установка строгого следования оригинальному тексту (буквализм при переводе)/допустимости вольной адаптации исходного текста (парафраз) и многие другие. Об этом написано множество научных трудов¹, к которым я отсылаю читателя, дабы сосредоточиться в этой

¹ В частности, см. такие лингвистические и философские труды, как: Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2013; Бевз Н. В. Культура перевода философских текстов: типология, стратегия // Вісник ХНУ. 2011. № 973; Бибихин В. В. К проблеме определения сущности перевода // «Тетради переводчика». 1973. № 10. С. 3–14.

небольшой заметке на одном вопросе, связанном с арабским переводом ал-Бируни санскритского текста «Йога-сутр» Патанджали, а именно пояснении избранной им переводческой стратегии. О самом памятнике можно познакомиться по критическому изданию Марио Козах¹, а также небольшой статье Р. В. Псху, содержащей также перевод пролога упомянутого памятника².

Одна из наиболее изящных (и наиболее цитируемых в работах о переводе) формулировок стратегической переводческой дихотомии была дана в свое время Ф. Шлейермахером (1768–1834): «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться»³. В этой связи интересно посмотреть, какой стратегии следует Бируни и почему. Исследуемый текст, датируемый первой четвертью XI столетия, представляет собой, по сути, арабский парафраз санскритского текста «Йога-сутр» Патанджали, в котором активно используется устная традиция комментирования сутр, с учетом комментария (бхашья) Вьясы (IV–V вв. н. э.) на него. В немногочисленных исследованиях (и упоминаниях) этого памятника можно встретить утверждение, что «Китаб Патанджали» ал-Бируни — это арабский *перевод* санскритского текста Патанджали, что абсолютно не соответствует действительности, в чем читатель может убедиться самостоятельно, сравнив предлагаемый фрагмент перевода, прилагаемый к данной статье, с соответствующим пассажем «Йога-сутр» Патанджали⁴. Единственное, что можно отметить,

[Электронный ресурс] // URL: http://bibikhin.ru/k_probleme_opredeleniya_sushnosti_perevoda; Гондек Х.-Д. О переводе философских текстов и о философских теориях перевода // Логос. 2011. № 5–6(84); Де Лоне М. Какая герменевтика требуется для перевода? // Логос. 2011. № 5–6(84); Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980; Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблема переводоведения в освещении зарубежных ученых. М., 1999; Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011; Лысенко В. Г. О переводах санскритских философских текстов. [Электронный ресурс] // URL: <http://kogni.narod.ru/lyssenko.htm>; Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2010; Рикёр П. Вызов и счастье перевода // Логос. 2011. № 5–6(84). С. 148–153; Смирнов А. В. Как возможен перевод? Язык, мышление и логика смысла // Философия и этика: сборник научных трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М., 2009; Смирнов А. В. Философия перевод и перевод философии // Философский журнал. 2012. № 1(8). С. 40–58; Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Авалон, Азбука классика, 2008; Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978; Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: «Либроком», 2012; Автономова Н. С. О философском переводе // Вопросы философии. 2006. № 2; Псху Р. В. Перевод восточных философских текстов. М.: РУДН, 2017, и др.

¹ *Abū Rayhān al-Bīrūnī. The Yoga Sūtras of Patañjali*. Edited and translated by Mario Kozah. Volume editors Kevin van Bladel and Shawkat M. Toorawa. New York: New York University Press, 2020.

² Псху Р. В. О Китебе Патанджали ал-Бируни / вступ.. ст., пер. с араб. и примеч. Р. В. Псху // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 2.

³ Куренной В. Как сделать наши переводы ясными // Логос, 2005. № 2(47). С. 74.

⁴ Классическая йога. Йога-сутры Патанджали / пер. с санскр. Е. П. Островской и В. И. Рудого. М.: Наука, 1992.

так это формальное структурное соответствие парафраза ал-Бируни тексту Патанджали: текст содержит деление на четыре части, но при этом включает обширный пролог, которого нет в исходном тексте Патанджали. Ал-Бируни использует диалогический формат, в то время как текст Патанджали представляет собой набор сутр, афористических изречений, удобных для заучивания наизусть, но требующих для своего понимания развернутого комментария. Следует отметить использование ал-Бируни в своем «переводе» арабской философской терминологии, что свидетельствует о его стремлении адаптировать исходный чужеродный текст для своих единоверцев, руководствуясь функциональным назначением текста как практического руководства на пути духовного освобождения от страдания и тягот жизни.

В первой части «Книги Патанджали», соответствующей первой главе «Йога-сутр» (*samādhipāda*), излагается проблема взаимодействия души и тела, способы достижения концентрации ума (санскр. *citta*, *manas*, араб. *калб*) и описаны три пути йогической аскезы (действие (*abhyāsa*), бесстрастие ума (*vairāgya*) и почитание (*praṇidhāna*)), которые полностью соответствуют изложенным в «Бхагавадгите» трем путям освобождения: карма-йоге (*karma-yoga*), джняна-йоге (*jñāna-yoga*) и бхакти-йоге (*bhakti-yoga*). Также дается анализ пяти способностей души, после чего начинается обсуждение этих трех методов духовного совершенствования.

Во второй части «Книги Патанджали», соответствующей второй главе «Йога-сутр» (*sādhana-pāda*), излагается процесс освобождения, с основными этапами которого читатель может познакомиться по переводу, предлагаемому ниже.

Арабский текст Бируни настолько ориентирован на читателя, что практически лишен всякой «индийской» или научной специфики, которая, к слову сказать, часто в переводах является непреодолимым препятствием к восприятию исходного текста и его духовному воздействию на читателя. В этой связи небезынтересно отметить, что в статье Ф. Розенталя «О некоторых эпистемологических и методологических предпосылках ал-Бируни»¹ автор выдвигает идею о том, что эпистемологические идеи ал-Бируни во многом подверглись сильному влиянию йогического учения Патанджали, что уже в свою очередь говорит как минимум о том, что Бируни расставляет приоритеты определенным образом: в первую очередь перевод текста должен «работать» как и оригинал, а уж в последнюю очередь — перевод должен точно воспроизводить исходный текст. И как показывает перевод ал-Бируни, последнее вполне можно и проигнорировать.

¹ Rosenthal F. On Some Epistemological and Methodological Presuppositions of al-Bīrūnī // In *Beyrūnī'ye Armağan*, edited by A. Sayılı. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1974.

Бйрӯнӣ

Книга Патанджали¹

Часть вторая

Спрашивающий: — Каков путь к искомой ступени для того, кто до сих пор не достиг ее, и каким образом [можно] вернуться к ней тому, кто отпал от нее по причине прегрешения [, совершенного] на этом [уровне].

Отвечающий: — Если бы ум (калб) совершившего прегрешение не был бы пресыщен, то он не отпал бы от того блаженства, которого он [уже] достиг. Что же касается пути достижения ее ревностным [адептом] и возвращения к ней прегрешившего, то [это] постоянное поклонение и утруждение тела наряду с воздаянием и добрыми делами [, достигаемыми] посредством поста, молитвы, восхвалений, рецитаций и всем тем, что имеет своей [высшей] целью сущность Всевышнего Бога и посредством чего приближается к Нему.

Спрашивающий: — Что же обретает человек утруждением себя, аскетизмом и крайним воздержанием?

Отвечающий: — Душа его бережется от возмущения, сердце (калб) его обретает покой и мир по причине ослабления тягот.

Вопрошающий: — А каковы эти тяготы, которые мучают сердце (калб)?

Отвечающий: — [Это] — неведение, мнение, желание, враждебность и привязанности. Из них величайшим [препятствием является] неведение, которое есть корень и основание всех остальных. Все они или большая часть их [приводят к] гибели человека; [ибо] человек ими оболочен и в них пребывает. Однако в аскете, отрешившемся от мира, они обладают силой, не проявляющейся в действии, подобно зернам в амбаре, которые не растут, но имеют в себе растение в скрытой [форме], или как растоптанная лягушка [, находящаяся] вне воды, которая не выживет на земле, даже если она [все еще] жива. Практикующий аскет ослабляет их до тех пор, пока они не ослабеют, не зачахнут и не исчезнут полностью. В том же, кто не практикует аскезы, они проявляются во всей своей мощи и полноте. Если ему удалось погасить одну из них и ослабить ее, то ее место тут же занимает другая и возрастает с большей силой и вредом, и [, таким образом,] нет пользы для него от устранения одной [тяготы].

Спрашивающий: — Каковы представления об этих силах, которые отягощают сердце и портят человека?

¹ Перевод Пролога с арабского языка сделан Р. В. Псху с издания: *Abū Rayhān al-Bīrūnī. The Yoga Sūtras of Patañjali*. Edited and translated by Mario Kozah. Volume editors Kevin van Bladel and Shawkat M. Toorawa. New York: New York University Press. 2020.

Отвечающий: — Что касается неведения, то оно воображает нечто, что противоположно реальности и видит грязное чистым, наслаждение добром, бедность удобством, бренное земное тело вечным, [полагая, что] оно и есть человек, не ведая, что [человек есть] душа.

Что касается мнения, то оно уподобляет вещи друг другу таким образом, что уже не видит различия между ними. И по причине этого сходства они представляются ему одной вещью подобно тому, как воплощенный интеллект (*'акил*) и простой интеллект (*ал-'акл ал-басит*), если рассматривать их [с точки зрения] бытия (*вуджуд*), [представляются] одним и тем же, а также подобно оптическому свету, если не отличать его от света солнца или света светильника, [будут представлять] одним и тем же светом.

Что касается желания, то [оно представляет собой] страстное стремление к мирскому счастью и озабоченность услаждением чувств, к примеру, [запахом] роз или сандала, жеванием бетеля после приема пищи для удовольствия и аппетита.

Что касается враждебности, то она [связана с тем], что возникает по причине страдания и боли [в] теле или печали и скорби [в] душе. И это приводит к отвращению и появлению враждебности посредством их подавления для отсечения их причин.

Что касается привязанностей, то [они] — результат [следования] желаниям и иного, а также излишество в них, как, например, сильное увлечение женщинами. [Любитель женщин] не добьется их, если не будет дарить им при встрече подарки, не будет чистоплотным и использовать духи [, находясь] поблизости от них, если не будет [воодушевлять и] подбадривать их к заигрыванию и угождать им [всеми] иными [способами], чтобы добиться их [расположения и] любви. Также примером результата ненавистных предметов [будет] ожидаемая смерть, если мысль озаботилась ее видами.

Все это, когда имеет силу и овладевает умом (*калб*), препятствует ему стремиться должным образом и обрести покой от [всякой] тяготы. Если же они ослабеют от практики аскезы, воздержания и дисциплинированности, как мы упоминали, то станут подобными обжаренному зерну, которое не дает всхода, [будучи посаженным] в землю, или жареным лягушкам, которых не оживит погружение в воду. [И тогда] их пагубное и зловерное воздействие прекращается [и перестает] проявляться. Они рассеиваются [так, как] рассеиваются простейшие [оболочки] тела (*баса'ит ал-бадан*) при возвращении к своим первоформам (*куллийат*).

Спрашивающий: — Какова причина того, что эти пять грубых сил, как упоминалось выше, ослабевают, рассеиваются и устраняются?

Отвечающий: — Стремление к освобождению. До тех пор пока эти [силы] захватывают душу и подавляют ее, она не свободна от обретения

от возмездия и награды...¹ включая вознаграждение через компенсацию и возмещение. И если в том мире они воображаемы, то в мире этом они ощущаемы и известны, как в случае с Нандикешварой [который], когда приумножил жертвы Махадеве, величайшему [из] ангелов, [тем самым] заслужил рай, был перенесен туда в своей телесной оболочке и стал ангелом. [Или], к примеру, [в случае с] Индрой, предводителем ангелов, который прелюбодействовал с женой брахмана Нахуши, был проклят и из ангела был превращен в змею. Таким образом, и душа до тех пор, пока подвержена воздаянию, заслуженному ею, несомненно, будет связана им и не достигнет [окончательного] освобождения от связывающих ее пут.

Спрашивающий: — Есть ли иная причина этой связанности и каким образом в нем находится вознаграждение?

Отвечающий: — Неведение поистине препятствует освобождению, все остальное² [исходит] от него; даже если это причины привязанности, корень их — неведение; оно — источник их и начало; нет иной причины связанности, кроме него. Душа [находящаяся под воздействием неведения и производных от него причин,] подобна рису в шелухе. До тех пор пока [рис] остается в [шелухе], он способен расти и созревать, постоянно перерождаясь и давая [новый] урожай. Но когда он освобождается от шелухи, эта [цепочка] событий прерывается и [рис] обречен на пребывание в неизменном состоянии. Что же касается воздаяния, то оно варьируется в различных видах существ в зависимости от продолжительности их жизни, краткости или длительности, а также благосостояния, стесненности или изобилия.

Спрашивающий: — Каково [будет] состояние души, когда она пребывает [в положении] между [поступками, заслуживающими] вознаграждения, и проступками, будучи заключенной в темницу перерождений для [соответствующих] вознаграждения или наказания.

Отвечающий: — Она колеблется между благоденствием и несчастьем в зависимости от того, что она совершила, испытывая [при этом] мучение либо удовольствие.

Спрашивающий: — Равны ли в этом все души, запутавшиеся [в сансаре], или их состояние различно?

Отвечающий: — Возвышенная душа характеризуется [тем, что испытывает] только несчастье и страдание, поскольку мирское благополучие [означает] загробное страдание, поскольку оно в действительности практически не достигается кроме как каким-либо грехом, а поскольку познающий ('алим) познал [изменчивую] сущность добра и зла, то для него благоденствие в воздаянии оборачивается несчастьем.

¹ Манускрипт поврежден.

² Имеется в виду: остальные причины связанности. — *Примеч. пер.*

Спрашивающий: — Что же он должен делать в этом случае?

Отвечающий: — Он должен избегать того, что приводит к привязанности, и совершенствоваться асану (*макам*).

Вопрошающий: — Что это?

Отвечающий: — Если познающий не разорвет [свою привязанность] к познаваемым [им] объектам, то он не достигнет освобождения [именно] по причине [существования] этой привязанности, которая существует между ним и этими [объектами]. В действительности же эта привязанность [проистекает] исключительно из определенного неведения, [которое препятствует тому, чтобы] он разорвал [свою привязанность] к ним.

Вопрошающий: — Как это [понимать]?

Отвечающий: — Во всяком познаваемом объекте [познающий] стремится познать его [составные] пять элементов, под которыми я имею в виду землю, воду, огонь, ветер и небо, а также его качественную [природу]: [является ли] он из разряда чистого добра или разряда чистого зла, либо [же] смешанного — из того и другого типа. Такое знание достигается посредством чувств, но чувственное [восприятие] не является подлинным, в силу наличия в нем погрешности, а то, что не является подлинной реальностью, не может быть познано как истина, а то, что [в свою очередь] лишено истины, покрыто неведением.

Вопрошающий: — Чем отличается род познаваемого?

Отвечающий: — Если это знание, то оно [относится] к роду чистого добра. Если это действие, то оно [относится] к роду смешанного среднего. Если все остальное, то оно [относится] к роду чистого зла.

Вопрошающий: — Какова причина, которая обуславливает связь между познающим и познаваемым?

Отвечающий: — Знающий, не [обладающий] объектом познания, является по сути своей знающим потенциально: он начинает действовать только при [наличии] познаваемого объекта. Познаваемый объект [существует] ради него, и это обуславливает связь между ними.

Вопрошающий: — Если знающий таков посредством объекта познания, как он может пребывать в местопребывании освобождения, в котором нет объектов познания?

Отвечающий: — Знающий посредством познаваемого становится [таковым] в месте связанности, далеким от истинной реализации (*тахкик*). Знание в нем становится подобным воображению, добытое уловками и старанием, ибо познанное в нем сокрыто завесой и тайной. В то время как в местонахождении освобождения покрывала снимаются, завесы раскрываются, а препятствия устраняются — сущность [познающего в таком состоянии] есть не что иное, как чистое знание.

Вопрошающий: — Каким образом достигается отделение вместо соединения?

Отвечающий: — До тех пор, пока нечто познаваемое остается неизведанным, желание познать его увеличивается [и растет], пока оно не будет познано, и тогда это желание стихает. Объектам чувственного познания не присуща непоколебимая [устойчивость] реальности, которая [свойственна] умопостигаемым объектам. Когда это достоверно известно без [всякого] сомнения, проявляется тщетность связанности и познающий отделяется от познаваемых объектов, он уединяется и полностью освобождается [от всего лишнего]. Это и есть смысл спасения.

Вопрошающий: — Что же достигает познающий, когда он уединяется и полностью освобождается [от всего лишнего]?

Отвечающий: — Он достигает семь вещей. Три из них [относятся] к душе. Это сохранность от приближения грехов, обнаружение [...] это [...] ¹. Четыре из них [относятся] к телу: представление наслаждения мукой, [понимание того,] что природа (*мадда*) наслаждения — неведение, что понимание этого обуславливает знание противоположных этому причин, и что результатом этого [является] отдаление этих причин посредством действия.

Вопрошающий: — С помощью чего достигаются эти семь вещей?

Отвечающий: — Посредством качеств, которые делают познающего непорочным и святым.

Вопрошающий: — Каковы они и сколько их?

Отвечающий: — Таковых качеств восемь. Первым из них [является] в целом отказ от зла, в частности отказ от причинения вреда всем живым существам, избегание зла, насилия, прелюбодеяния, безусловное уклонение от всякого смешения с миром, [не делая] исключения времени и месту. [При этом дело] не ограничивается отказом от действия: [не следует] отдавать приказ о том [что так или иначе связано с вышеперечисленным], благожелательствовать тому, кто совершает это. Виды зла, хотя и многочисленны по причине количества, форм, качества мотивов [побуждающих к нему], проистекают из жадности, гнева и неведения. Далее их формы различаются неумеренностью и нерадивостью в [диапазоне] этих двух крайностей и [возможных] градаций. В том случае, если вещи познаны через свои противоположности, далее стало известно, что тот, кто совершил убийство, по неведению причинил страдание и муку убиенному, не опасается, что его возмездие так же, как его действие, будет включать неведение и причинение страданий. Если же дело обстоит так, уклоняющийся от убийства вознаграждается противоположными [неведению и причинению страданий] вещами. Ничто ему не враждебно, чтобы причинять ему

¹ В арабском тексте пропуск. Английский перевод восстановил смысл следующим образом: «... устранение причин страдания, приводящее в третьему аспекту, каковое представляет собой полное прекращение всякой активности». *Abū Rayhān al- Birūnī. The Yoga Sūtras of Patañjali. P. 35.*

страдание, да и как оно будет ему враждебно, когда для него обе противоположности одинаковы и он видит их обе одинаково и [относится] к ним одинаково. Он не судил бы в пользу змеи против хорька, ни в пользу хорька против змеи; что касается лжи, то что [может быть] отвратительнее по [самой] своей сути; тот же, кто находит прекрасным искренность и предпочитает ее, вознаграждается на самых почетных степенях рая; тот, кто хранит душу свою от демона насилия и низости воровства, тому дается возможность воочию видеть сокровища как на земле, так и под землей; тот, кто не осквернил [свою душу] скверной прелюбодеяния, обретает возможность совершать удивительные действия, в душе его схвачены [все] времена и места; тот, кто отмежевывается от мира и не общается с ним, обретает знание о своем прошлом [рождении], [которое было] до обретения этого воплощения — он узнает, в каком [состоянии] была [его душа] и где он был.

[...].

Литература

Куренной В. Как сделать наши переводы ясными // Логос. 2005. № 2(47). С. 72–82.

Классическая йога. Йога-сутры Патанджали / пер. с санскр. Е. П. Островской и В. И. Рудого. М.: Наука, 1992. 260 с.

Псху Р. В. О Китаб Патанджали ал-Бируни. Вступительная статья к переводу // Ислам в современном мире. 2021. Т 17. № 2.

Rosenthal F. On Some Epistemological and Methodological Presuppositions of al-Bīrūnī // In Beyrunî'ye Armağan, edited by A. Sayili. Ankara: Türk tarih kurumu basimevi, 1974. Pp. 145–167.

Abū Rayḥān al-Bīrūnī. The Yoga Sūtras of Patañjali. Edited and translated by Mario Kozah. Volume editors Kevin van Bladel and Shawkat M. Toorawa. New York: New York University Press, 2020. 158 p.

References

Van Bladel K., Toorawa S. M. (Ed.) (2020). Abū Rayḥān al-Bīrūnī. The Yoga Sūtras of Patañjali. New York: New York University Press. 2020. 158 p.

Ostrovskaya E. P., Rudoy V. I. (Ed.) (1992). *Klassicheskaya joga. Joga-sutry Patandzhali* [Classical Yoga. Yoga Sūtras of Patanjali]. Moscow: Nauka. 260 p.

Kurennoy V. A. (2005). Kak sdelat' nashi perevody yasnymi [How to Make Our Translations Clear]. *Logos*. 2005. Iss. 2 (47). Pp. 72–82.

Pskhu R. V. (2021). On Kitab Patanjali al-Biruni (introduction to the translation). *Islam v sovremennom mire*. 2021. Vol. 17. No. 2. Pp. 77–81.

Rosenthal F. (1974). On Some Epistemological and Methodological Pre-suppositions of al-Bīrūnī. *Beyrunî'ye Armağan*. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi. Pp. 145–167.

ON AL-BĪRŪNĪ'S TRANSLATION STRATEGY: ON THE ARABIC TRANSLATION OF THE SANSKRIT TEXT OF THE YOGA-SŪTRAS BY PATAÑJALI

Abstract: The Khorezm encyclopedist Abū Reyhān Muhammad bin Ahmad al-Bīrūnī (973–1048) is one of the most famous thinkers and scholars in the Muslim world. But only few people still know on his Arabic translation from Sanskrit of the second part of which is published below — “*Kitāb Bātanjali al-Hindī*” (“The Book of the Hindu Patanjali”). Before us is an Arabic exposition or transcription of “*Yoga-Sūtras*” of Patañjali, along with an explanatory commentary. The text is dated to the first quarter of the XI century, starting, obviously, from the chronology of the Indian campaign of Mahmud of Ghazni, with whose army the author came to India. The Arabic text of Bīrūnī is so reader-oriented that it is practically devoid of any “Indian” or scientific specifics, which, by the way, is often an insurmountable obstacle in translations to the perception of the source text and its spiritual impact on the reader. In the few studies of this text, one can find the statement that “*Kitāb Bātanjali*” by al-Bīrūnī is an Arabic translation of the Sanskrit text of Patañjali, which is absolutely not true. The only thing that can be noted is the formal structural correspondence of al-Bīrūnī’s paraphrase to Patañjali text: the text contains a division into four parts, but at the same time includes an extensive prologue, which is not in original Patañjali’s text. Al-Bīrūnī uses a dialogical format, while Patañjali text is a set of sūtras, aphoristic sayings that are convenient for memorizing by heart, but require a detailed commentary for their understanding.

Keywords: Bīrūnī, Translation, Yoga, Yoga-sūtra, Patañjali, *Kitāb Bātanjali al-Hindī*.

Ruzana V. PSKHU,

D. Sci. (Philos.), prof. of the Department of History of Philosophy,
Faculty of Humanities and Social Sciences,
Purushottama Research Centre,
Peoples’ Friendship University of Russian Federation
(6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation).
E-mail: r.pskhu@mail.ru

